

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

УДК 911.53

Калуцков Владимир Николаевич

Ландшафтная концепция в культурной географии

Специальность: 25.00.24 – Экономическая, социальная
и политическая география

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
доктора географических наук



МОСКВА – 2009

A handwritten signature in black ink is located at the bottom right of the page, below the text 'МОСКВА – 2009'. The signature is stylized and appears to be the author's name.

Работа выполнена на кафедре физической географии и ландшафтоведения
географического факультета Московского
государственного университета имени М.В. Ломоносова

Официальные оппоненты:

доктор географических наук,

профессор

В.А. Колосов

доктор географических наук,

профессор

Е.Ю. Колбовский

доктор культурологии

Д.Н. Замятин

Ведущая организация:

Институт географии СО РАН

им. В.Б. Сочавы (г. Иркутск)

Защита состоится 19 марта 2009 г. в 15-00 на заседании диссертационного совета Д 501.001.36 в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова по адресу: 119991 Москва, ГСП-1, Ленинские горы, МГУ, географический факультет, ауд. 1806.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке географического факультета МГУ на 21 этаже.

Автореферат разослан 30 января 2009 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета,
кандидат географических наук



С.П. Москальков

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Научная проблема, на решение которой направлено диссертационное исследование, может быть сформулирована как разработка культурно-ландшафтного направления исследований в культурной географии.

Актуальность темы исследования. Выбор темы связан с процессами гуманизации российской географии, которые, наряду с процессами ее экологизации, вероятно, определяют лицо географии XXI в. В гуманизации географии важную роль должна сыграть ландшафтная концепция, методологический потенциал которой далеко не исчерпан. Известно, что ландшафтная концепция продуктивно проявила себя в сфере комплексной физической географии (Н.А. Солнцев, А.Г. Исаченко, Д.Л. Арманд, Н.А. Гвоздецкий, Ф.Н. Мильков), геохимии (А.И. Перельман, М.А. Глазовская, Н.С. Касимов) и геофизики ландшафта (К.Н. Дьяконов), при разработке геоинформационных подходов (Ю.Г. Пузаченко). Много сделал для продвижения ландшафтной концепции как общегеографической В.С. Преображенский.

Весьма продуктивно применение ландшафтных методов в страноведении, политической и этнической географии (В.А. Колосов, Н.С. Мироненко, А.Н. Ямсков и др.). Быстро развиваются новые ландшафтно ориентированные дисциплины – ландшафтная эстетика и дизайн (В.А. Николаев), ландшафтное планирование (А.В. Дроздов, Е.Ю. Колбовский), учение о культурном ландшафте как объекте наследия (Ю.А. Веденин), антропогенный ландшафтогенез (В.А. Низовцев), этнокультурное ландшафтоведение и другие.

Систематическая разработка проблематики культурного ландшафта в российской культурной географии активно осуществляется, начиная с 1990-х годов. Именно в этот период складываются разные научные направления, выстраивается система методов, формируется адекватный понятийно-терминологический аппарат, проводятся полевые исследования культурных ландшафтов (работы Ю.А. Веденина, С.М. Мягкова, Р.Ф. Туровского, М.В. Рагулиной, Е.Ю. Колбовского, Б.Б. Родомана, В.Л. Каганского, Т.М. Красовской, М.Е. Кулешовой и др.).

Между тем, в западной культурной географии на протяжении всего XX века ландшафтная концепция являлась одной из самых востребованных и продуктивных. На концепции культурного ландшафта более полувека строит свои исследования берклийская школа культурной географии, основанная Карлом Зауэром. Среди многочисленных исследований культурных ландшафтов выделяются фундаментальные работы Дж. Б. Джексона, Д. Косгроува. Культурно-ландшафтная тематика разрабатывается такими крупными географами, как И-Фу Туан, Д. Лоуенталь, П. Клаваль и др.

Объект диссертационного исследования – культурный ландшафт.

Предмет исследования составляют теоретико-методологические и конкретно-методические положения, связанные с культурно-ландшафтной тематикой в системе культурной географии как общественно-географической дисциплины.

Цель работы – на основе исторического опыта и современных тенденций развития географии (антропогеографии, ландшафтоведения, культурной географии) и смежных наук разработать и апробировать теоретические и методологические основания нового исследовательского направления – этнокультурного ландшафтоведения как одного из важнейших направлений реализации ландшафтной концепции в культурной географии.

Достижение поставленной цели предполагает постановку и решение следующих *научных задач*:

- методологическое исследование истории становления ландшафтной концепции в российской и зарубежной культурной географии;
- разработка методических аспектов исследования культурного ландшафта (с привлечением методов гуманитарных наук);
- исследование культурного ландшафта как социоприродной системы;
- разработка вопросов репрезентации и интерпретации культурного ландшафта;
- разработка таксономии и подходов к культурно-ландшафтному районированию.

Теоретико-методологические разработки были применены в практике многолетних культурно-ландшафтных исследований в *модельном регионе* – на Русском Севере. Русский Север представляет собой уникальный регион с преобладанием традиционных сельских культурных ландшафтов с хорошо сохранившимися архаическими элементами культуры – структурой природопользования, особенностями расселения, местной географической терминологией, диалектной основой, традиционными обрядами и фольклором. Исследования проводились в Архангельской, Вологодской и Кировской областях. Детальное изучение традиционных культурных ландшафтов осуществлялись в Пинежском районе Архангельской области.

Особенности модельного региона заключаются в том, что Русский Север хорошо обеспечен материалами гуманитарных исследований – историческими, этнографическими, фольклористическими, искусствоведческими, топонимическими, а также хорошо изучен в ландшафтно-географическом и социально-экономическом плане.

Основные защищаемые положения.

В основе развития междисциплинарной ландшафтной концепции в культурной географии лежит смысловая многозначность ландшафта (территория, пейзаж, вид, другие значения).

Культурный ландшафт представляет собой природно-социокультурный территориальный комплекс. Его структура включает сообщество людей, природную среду, хозяйственную деятельность, селитьбу, языковую систему и духовную культуру.

Методология исследования культурных ландшафтов основана на традиционных географических подходах с использованием гуманитарно-географических методов.

В культурно-ландшафтных исследованиях важное место занимают вопросы репрезентации и интерпретации.

Модельные культурно-ландшафтные исследования Русского Севера, проведенные на основе разработанного подхода и системы методов, позволяют обосновать этнокультурные границы региона, установить этапы его

геокультурной истории, определить основные свойства пространственной организации севернорусских культурных ландшафтов.

Этнокультурное ландшафтоведение – одно из основных направлений реализации ландшафтной концепции в культурной географии.

Методы исследования включают картографический, историко-географический метод, методы районирования и ландшафтного профилирования. При анализе культурного ландшафта как социоприродной системы использовался системный подход. В процессе проведения полевых работ использовался метод интервьюирования, а также методы полевой этнографии и фольклористики. В процессе исследования разработан ряд новых гуманитарно-ландшафтных методов.

Научная новизна работы состоит в создании теоретико-методологических основ этнокультурного ландшафтоведения, которые включают:

- разработку представлений о концепте ландшафта в культурной географии;
- создание модели структуры культурного ландшафта;
- обоснование представлений о культурном ландшафте как социоприродной системе, пространственной организации культурного ландшафта, включая единицу его пространственной организации – топосе;
- разработку представлений о репрезентации и интерпретации культурного ландшафта.

Разработана система новых гуманитарно-ландшафтных методов (индикационный ландшафтно-топонимический метод, метод пространственной локализации социокультурной информации, метод идентификационного картирования культурных ландшафтов и др.).

Обоснованы границы и осуществлено районирование Русского Севера как модельного региона; проведен комплекс модельных культурно-ландшафтных исследований.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования полученных региональных материалов для проектных работ по обоснованию новых охраняемых территорий природного и культурного

наследия. Результаты исследования культурных ландшафтов необходимы органам государственного управления при разработке вопросов национальной и культурной политики, региональным и муниципальным властям для формирования местной идентичности, при осуществлении городской культурной и экологической политики. Полученные научные результаты используются для разработки новых учебных курсов культурно-географической направленности.

Исходные материалы получены при проведении работ в рамках госбюджетных тем «Ландшафтный, геоэкологический и культурно-исторический анализ региональных геосистем» (1996–2000), «Региональный геоэкологический анализ и проблемы оптимизации природно-антропогенных ландшафтов» (2001–2005) и «Структура, функционирование, эволюция природных и природно-антропогенных ландшафтов» (2006–2010), а также при выполнении исследований по проекту РФФИ «Экология культурного ландшафта» (1994), проекту РФФИ «Полевой диагноз состояния культурного ландшафта» (1995), проекту Института «Открытое общество» «Поддержка семинара «Культурный ландшафт» (1997), проектам РГНФ «Комплексное исследование фольклорной традиции Пинежского р-на Архангельской области» (1997, 2000), проекту РГНФ «Подготовка к изданию этнокультурного атласа «Святые места Пинежья» (2002), проекту РГНФ «Создание этнокультурного атласа «Традиционные культурные ландшафты России» (2004) и других, в которых автор принимал участие в качестве руководителя и исполнителя. Для ее подготовки также использовались опубликованные и архивные географические, статистические, картографические, исторические, этнографические, фольклористические и топонимические материалы.

Важную роль в плане генерирования новых идей, разработки новых методов, обсуждения результатов исследований сыграла деятельность семинара «Культурный ландшафт» (географический факультет МГУ), действующего с 1993 г.

Апробация материалов исследования. Основные положения работы неоднократно докладывались и обсуждались на заседаниях междисциплинарного семинара «Культурный ландшафт», на заседаниях

кафедры физической географии и ландшафтоведения Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова, в Институте географии РАН, на семинарах Института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, на географическом факультете Санкт-Петербургского государственного университета, а также на международной конференции «Полевые методы в социальных науках» (Санкт-Петербург, 2000), международном семинаре «Остров и сакральность: святые места на островах Русского Севера» (Париж, 2001), Третьих и Четвертых Рябининских чтениях (Петрозаводск, 2003, 2007), Третьем, Четвертом и Шестом конгрессах этнографов и антропологов России (Москва, 1999, 2001; Санкт-Петербург, 2005), Первом Всероссийском конгрессе фольклористов (Москва, 2006), Одиннадцатой ландшафтной конференции (Москва, 2006) и т.д. В 1997 г. монография «Жуковский: градозекология и развитие города» отмечена премией Московского областного экологического фонда; в 1999 г. монография «Культурный ландшафт Русского Севера: Пинежье, Поморье» получила почетную медаль Ломоносовского фонда (г. Архангельск) и диплом победителя конкурса им. М.В. Ломоносова.

Основные положения диссертационного исследования отражены в 63 опубликованных работах, включая монографии и статьи в научных журналах (из них 8 статей в журналах перечня ВАК РФ) и сборниках, а также опубликованные доклады на международных и российских конференциях.

Объем и структура работы. Диссертация состоит из введения, 12 глав, заключения и списка литературы. Общий объем работы 295 страниц, включая 56 рисунков, 19 таблиц, 8 фотографий и список литературы. В списке литературы 302 наименования.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ И ВЫВОДЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ПРЕДМЕТ ЗАЩИТЫ

Концепт ландшафта как культурно-лингвистическое основание ландшафтной концепции

«Ландшафт, возможно, самое важное слово в географическом языке», – это высказывание Ричарда Хартшорна (монография «Природа географии», 1939), актуально и в наше время.

Но в тоже время теоретический анализ убедительно демонстрирует **неоднозначность**, двойственность ландшафта. Одним из первых географов проанализировавших проблему смысловой двойственности концепта ландшафта был вышеупомянутый Р. Хартшорн.

Под концептом понимается система устойчивых смыслов и значений слова, существующих в определенном языке и культуре. В российской культурной географии пока не сложилось устойчивой традиции работы с концептами. Одно из первых исследований по культурно-языковому соотношению важнейших географических концептов – территории, региона, места, пространства – методологическая работа Г.Д. Костинского «Географическая матрица пространственности». Среди других примеров в этом направлении отметим разработки концепта культуры (М.В. Рагулина), концепта ландшафта (В.Н. Калуцков, Ю.Г. Тютюнник).

Между тем, в западной культурной географии вопросы языка, лингвистические вопросы уже не одно десятилетия находятся в поле пристального внимания в теоретико-методологическом и в конкретно-исследовательском плане, а сам термин концепт широко внедрен в научный дискурс. К примеру, теоретические и методологические проблемы, связанные с концептом культуры, обсуждаются в работах Дж.С. Дункан, Дж.Б. Джексон, М. Прайс, М. Льюис, Д. Митчел. Значительное внимание уделяется и разработке концепта ландшафта (Р. Хартшорн, Р.Х. Шейн, К.Р. Олвиг, Д. Косгроу и др.).

Многозначность концепта ландшафта является отличительной чертой для всех европейских языков.

Семантический анализ концепта *Landschaft* в немецком языке (как генерировавшем сам концепт) демонстрирует четыре основных смысловых слоя – территориальный, визуальный, художественный и земский (табл. 1). Земские значения ландшафта образуют самый архаичный слой, исходно связанный с региональной политикой и местным самоуправлением.

Таблица 1

Структура концепта *Landschaft*

Смысловые слои	Значения	Сферы употребления
Территориальный	Страна, край; местность, область, округ, провинция, кантон	География, политика
Визуальный	Ландшафт, вид	Обыденная сфера, фотография
Художественный	Ландшафт, пейзаж	Искусство, география, обыденная сфера
Земский	Феодалное сословное представительство; земские чины, земство	Политика, управление

Для европейских языков наиболее характерны территориальное и визуально-пейзажное понимание ландшафта. Общепринятым является также метафорическое использование концепта, активно развивающееся в последние годы, например, символический или идеологический ландшафт.

Русский язык, вероятно, является единственным среди европейских языков, в котором в качестве концепта ландшафта используется иностранное слово, не обремененное культурными смыслами. Такая культурно-языковая ситуация благоприятствовала развитию ландшафтной концепции географии в России, в том числе институциональному оформлению всего спектра ландшафтных исследований в единую науку – ландшафтоведение.

В формировании концепта ландшафта огромную роль сыграли сферы политики и искусства. Сфера политики задала такие значимые качества

ландшафта как целостность, нерасчлененность, связность человеческого (местного) сообщества с землей. Она заложила преимущественно горизонтальное видение ландшафта и возможности его территориальной интерпретации.

Искусство и особенно живопись расширило представление о ландшафте как о художественном образе, облеченном в новую культурную форму, – пейзаж. Пейзаж как экран окружающего мира формирует эстетические вкусы общества, создает и воспроизводит образы стран, городов, отдельных мест. Интеллектуальный вклад живописцев и литераторов состоит в визуализации, психологизации и одухотворении ландшафта, в наделении его символическими смыслами. Пейзажное понимание ландшафта сыграло значительную роль в развитии культурной географии.

В результате в разных языках возникает целый визуально-эстетический пласт смысловых значений ландшафта. В России представление о ландшафте первоначально было воспринято в живописи и романтической литературе XVIII –XIX веков.

Для развития ландшафтной концепции в культурной географии значимы все смысловые слои концепта ландшафта – территориальный, визуальный, художественный и земский.

Развитие представлений о культурном ландшафте в зарубежной и русской географии

В первой трети XX века представление о ландшафте как о сложном природно-культурном комплексе особенно активно разрабатывалось антропогеографией, разделом географии, рассматривавшим Землю как место обитания человека (А. Геттнер, К. Зауер, О. Шлютер, В.П. Семенов-Тянь-Шанский, Л.С. Берг, А.А. Крубер, П.Н. Савицкий и др.).

Согласно одному из антропогеографических определений под ландшафтом понимается термин, охватывающий природу определенного участка земной поверхности, его население и созданные населением видоизменения природных условий как едипуло, цельную картину, все элементы

которой генетически между собой связаны. Предельно схематичный состав ландшафта предложил антропогеограф П.Н. Савицкий, выделивший в нем всего два компонента – географическую (физико-географическую) обстановку и охватывающую ее социально-историческую среду.

Важным научным результатом антропогеографии явилось представление о ландшафте как о **природно-культурном территориальном комплексе**: «... такие факты и явления, как население, пути сообщения, возделанные площади земли и т.д. не в меньшей степени характеризуют ландшафт большей части стран, чем особенности рельефа, климата, растительного покрова» (А.А. Крубер). Этот момент был принципиальным: при разных трактовках ландшафта для антропогеографических работ базовыми составляющими ландшафтного комплекса являлись природа и культура.

В современной англо-американской культурной географии все многообразие пониманий ландшафта и связанных с ним направлений исследований можно свести к двум основным позициям – территориальной социокультурной и пейзажной образно-символической. Нетрудно заметить, что эти позиции соответствуют разным смысловым слоям концепта ландшафта: первая – территориальному и земскому, вторая – визуальному и художественному.

В рамках **социокультурных исследований ландшафта** ландшафт понимается как биографии местности, как продуцент социальной жизни (например, классовый ландшафт, гендерный ландшафт, фермерский ландшафт), как часть повседневной жизни (вернакулярный, или обыденный ландшафт) и т.д. (В. Зелински, Р.Х. Шейн и др.).

Образно-символические исследования ландшафта отличаются большим разнообразием смыслов – от образа места до его репрезентации. «Ландшафт – это больше, чем природа, на которую накладываются материальные проявления деятельности человека. <...> Мы сами привнесли в ландшафт разные содержания, которые могут быть описаны как психологическое, религиозное, эстетическое и моральное» (И-Фу Туан). В таком контексте под ландшафтом могут пониматься и пространственно-визуальный ансамбль места, и репрезентация местности, и символический феномен, и

метафора (например, политический ландшафт, ландшафт страха), и текст в лингвистическом смысле («чтение ландшафта»).

Образно-символическое направление ландшафтных исследований, активно использующее материал искусства, хорошо развито в британской культурной географии (Д. Лоуэнталь, Х.С. Припс, Д. Косгроу, С. Даниелс и др.). Ландшафтно-искусствоведческие исследования базируются на исследовании восприятия произведений ландшафтной живописи как источников географической информации. По мнению С. Даниэльса ландшафтная картина может определять видимую форму нации, выражая суть национального самосознания, этнического характера. Например, картина Дж. Констебля «Повозка для сена», изображающая сельскую Англию, по его словам, оценивалась британцами как страна в миниатюре, то, что должно было защищать и ради чего стоило умереть.

Традиционно сильные ландшафтные исследования французских географов задают требования на региональность, комплексность и междисциплинарность. Ландшафтная концепция, родиной которой явилась Германия, и в настоящее время представляет собой теоретическое ядро немецкой общественной географии.

Современные культурно-ландшафтные исследования российской географии ведутся по пяти направлениям – антропогенному, эстетическому, экологическому, феноменологическому и этнокультурному. Широко представлено антропогенное направление (школа Ф.Н. Милькова, В.А. Николаев, Г.А. Исаченко, В.А. Низовцев и др.). Эстетическое направление (В.А. Николаев) опирается на пейзажный подход к ландшафту. Экологическое, или информационно-аксиологическое направление, представленное школой Ю.А. Веденина, рассматривает культурный ландшафт с позиции проблематики наследия. Представление о тотальности ландшафта относится к базовым теоретико-методологическим позициям наиболее активного движителя феноменологического направления В.Л. Каганского. Этнокультурное направление исследований (М.В. Рагулина, Т.М. Красовская, В.Н. Калущков и др.), развиваемое на основе культурной географии и этнологии, других

гуманитарных наук большое значение придает вопросам взаимодействия человеческого сообщества и природы в формировании культурного ландшафта.

Культурный ландшафт как природно-культурный территориальный комплекс

Под культурным ландшафтом понимается *природно-социокультурный территориальный комплекс*.

Среди основных компонентов культурного ландшафта (рис. 1):

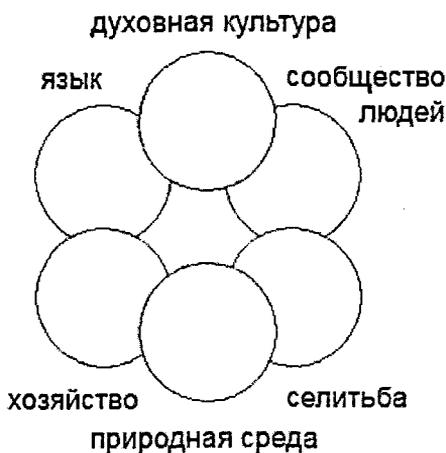


Рис. 1. Структура культурного ландшафта

- природная среда или природный ландшафт;
- сообщество людей, взятое в этнокультурном, социальном, конфессиональном и других аспектах;
- хозяйственная деятельность (связанная с ландшафтом через конкретные культурно-хозяйственные типы природопользования);
- селенческо-расселенческая система (селитьба) как способ пространственной организации/самоорганизации сообщества людей в ландшафте;
- языковая система, включая топонимию;

— духовная культура (сферы верований, ритуальной практики, фольклора и других видов народного искусства).

При монодисциплинарном подходе природная среда оказывается в зоне интересов физической географии, языковая система – лингвистики, фольклор – фольклористики и т.д. При изучении культурного ландшафта, взятого в целостности, в поле зрения исследователя оказываются не только отдельные компоненты, но и их внутренние системные связи.

Объектная модель культурного ландшафта удобна для организации и проведения междисциплинарных исследований в силу своей пластичности, поскольку позволяет по-разному расставлять акценты в зависимости от направленности самого исследования. Фиксация на одном из компонентов не исключает, а предполагает учет его связи с другими, а это означает, что концепция культурного ландшафта позволяет получать достаточно объективные научные результаты.

Для культурной географии основное значение объектной модели культурного ландшафта заключается в том, что она задает ландшафтные контексты арте-, менти- и социофактам при проведении исследований разной направленности, создавая основу для различных культурно-географических интерпретаций.

Культурный ландшафт как социоприродная система

Соотношение внешнего и внутреннего видения ландшафта представляет собой сложную методологическую проблему. В западной географической традиции «внутренние» ландшафты нередко называются вернакулярными, или обыденными. Соответственно относительно ландшафта выделяются две позиции – внутренняя (внутриландшафтная) и внешняя.

Внешний ландшафт отражает восприятие культурного ландшафта внешним наблюдателем, не знакомым с языком и особенностями культуры местного населения. К представителям внеландшафтной позиции относятся управленцы, туристы, ученые-натуралисты. Внутренний ландшафт (к типичным «внутриландшафтикам» относятся жители, исследователи-гуманитарии)

отражает восприятие культурного ландшафта местным сообществом и описывается исследователем-знатоком его языка и особенностей культуры.

В результате методологического экскурса в проблему «объект – исследователь» разработана методологическая модель культурного ландшафта, в которой основным системообразующим элементом культурного ландшафта, удерживающим его целостность, выступает сообщество людей.

Методологическое значение модели заключается в том, что при исследовании культурного ландшафта необходимо различать внешнюю и внутреннюю исследовательские позиции, которые могут не совпадать.

Практическое значение организационно-методологической модели другое. Она подчеркивает тот факт, что любой культурный ландшафт уже имеет своего коллективного «исследователя», в роли которого выступает сообщество людей, которое организует, осваивает и осмысливает «свой» культурный ландшафт в различных арте- и ментифактах – предметах материальной культуры, диалектах, топонимии, преданиях.

Таким образом, необходимо «погружение» в культурный ландшафт для понимания его внутренней организации. Такая исследовательская позиция может быть охарактеризована как «встроенный (или инкорпорированный) исследователь».

Культурный ландшафт как информационная система

Информационный подход к культурному ландшафту предполагает рассмотрение вопросов репрезентации, интерпретации и информационного развития.

При *репрезентации культурного ландшафта* решаются следующие задачи:

- визуальное представление объекта исследования;
- демонстрация свособразия его пространственной организации;
- создание географического образа культурного ландшафта.

В репрезентации культурного ландшафта важную роль играют пейзажная форма. В этом смысле справедливо высказывание: «Игнорируя пейзаж,

немыслимо постичь всю глубинную суть ландшафта» (Николаев, 2003, с. 69). Вместе с тем продуктивная пейзажная форма представления культурного ландшафта должна быть дополнена другими формами и желательно расширена до репрезентационного комплекса, который выстраивается, исходя из стратегии репрезентации, включая вертикальные и горизонтальные типы и визуальные и изобразительные формы. Важен и региональный аспект. К примеру, для культурных ландшафтов Русского Севера важную роль играют топонимическая, диалектологическая, фольклористическая репрезентации.

Совокупностью репрезентаций культурного ландшафта формируется «ландшафтный текст», который «прочитывается» с помощью ландшафтной интерпретации. В основу ландшафтной интерпретации положено представление о ландшафте и его репрезентациях как о тексте (в самом широком – семиотическом – смысле этого слова). Этот текст состоит из разных типов и форм репрезентаций – современных и исторических карт, рисунков и картин, фотографий и космических снимков, поэтических, прозаических и фольклорных произведений и т.д. Чтобы прочесть подобный текст, нужно освоить «языки», на которых он «написан».

Тем самым *интерпретация культурного ландшафта*, по сути своей, может быть представлена как многоканальное «чтение» ландшафта. Выделяется 2 уровня чтения ландшафта – прямой и опосредованный.

Чтения ландшафта на первом уровне (прямое чтение ландшафта) предполагает «погружение» в культуру (методология встроенного исследования) и освоение территориальных культурных кодов. Ландшафтные языки – территориальные культурные коды прочитываются через систему менти-, социо- и артефактов культурного ландшафта. Каждый культурный ландшафт обладает множеством таких фактов. Все зависит от наличия исследовательского материала, постановки задач и подготовки исследователя. Наряду с вербальными территориальными культурными кодами включают и невербальные языки – архитектурный, планировочный, звуковой, музыкальный, хореографический, поведенческий, включая язык жеста, ритуала и другие.

Опосредованное чтение ландшафта предполагает расшифровку репрезентационных языков (картографического, художественных языков и т.д.).

Этнокультурное ландшафтоведение – направление реализации ландшафтной концепции в культурной географии

В содержательном плане предмет этнокультурного ландшафтоведения охватывает круг вопросов этнокультурного освоения ландшафтов Земли.

В рамках этнокультурного ландшафтоведения формируются три центробежных исследовательских направления (этноприродное, антрополандшафтное, ландшафтно-языковое) и одно ядерное – учение о культурном ландшафте (рис. 2).



Рис. 2. Основные научные направления этнокультурного ландшафтоведения

Учение о культурном ландшафте разрабатывает вопросы теории, методологии и истории культурного ландшафта. При разработке теоретико-методологических вопросов у этнокультурного ландшафтоведения много общих позиций со страноведением, регионалистикой, урбанистикой (методология, вопросы классификации и типологии, методы полевых исследований). Для этнокультурного ландшафтоведения особенно близка концепция культурно-образного страноведения.

Этноприродное ландшафтоведение исследует народный опыт адаптации к природе определенной территории. Это направление демонстрирует связь этнокультурного ландшафтоведения с природным ландшафтоведением и науками физико-географического круга.

Антропологическое ландшафтоведение изучает социальные взаимодействия, опосредованные культурным ландшафтом.

Лингвистическое ландшафтоведение, включая ландшафтную ономастику и топонимику, ориентировано на изучение систем называния природных и культурных элементов ландшафта.

Модельный регион «Русский Север»: образ, геонистория, границы

Теоретические и методологические разработки были апробированы в процессе многолетних исследований, выполненных в модельном регионе «Русский Север», выбор которого был обусловлен культурно-географическими и основаниями наследия.

Образ Русского Севера. Русский Север сыграл выдающуюся роль в становлении национального самосознания. В результате двухвековой истории исследований региона русская гуманитарная наука (этнография, фольклористика, диалектология, искусствоведение) способствовала выявлению и исследованию региональных символов, а затем их «переносу» на национальный уровень. В результате среди общерусских культурных образов и символов сформировался мощный культурный пласт северного происхождения. Его образуют хранители «старой веры» (протопоп Аввакум), безвестные народные зодчие и иконописцы, хранители фольклорных традиций былинные певцы и сказители, вольнолюбивые новгородские ушкуйники, твердые духом поморы и мужественные землепроходцы.

Помимо гуманитарных наук в визуализации образа Русского Севера, в формировании представлений о северных культурных ландшафтах огромную роль сыграли художники-пейзажисты. В начале XX века творческие поездки на Север осуществили К. Коровин, В. Серов, И. Грабарь, И. Билибин, А. Архипов, М. Нестеров, В. Верещагин и другие. «Хорошо на Севере, спокойно, пахнет

старинно, и люди здесь истые, крепкие», – писал В. Верещагин, будучи сам уроженцем Севера. Наиболее лаконично и образно выразил свое видение Севера Н.К. Рерих: «Сказка о Севере глубока и пленительна. Северные ветры бодры и веселы. Северные реки серсбристые. Серы камни в кручах чудесами полны». Эти размышления и чувства, а также мощный мифологический и поэтический образ воплотились в работах раннего Н.К. Рериха, в серии картин о северной деревне А.Е. Архипова, в пейзажах других живописцев.

Тем самым, благодаря живописному и научному творчеству, регион стал и ныне выступает в качестве одного из самых значимых **культурно-символических центров страны**.

Геокультурная история Русского Севера. Выделяются три вековых этапа развития Русского Севера – заволоцкий, поморский и севернорусский. Их можно рассматривать как качественно различные состояния макрорегионального культурного ландшафта Русского Севера.

Заволоцкий этап Русского Севера охватывает период с IX по XV вв. В этот период в геокультурном плане регион представлял собой дальнюю периферию страны. Характерна полиэтничность при преобладании финно-угорского субстрата («заволоцкая чуждь»). К концу периода основными центрами региона становятся Великий Устюг и Холмогоры. В геополитическом и этнокультурном отношениях в XIV – XVI веках Великий Устюг на Севере аналогичен Петербургу XVIII-го века: оба города, выполняя функции центра, длительное время располагались на пограничье в финно-угорском окружении. Былая центральная роль Устюга подчеркивается значимым гидронимическим реликтом: выше впадения Юга (первичное местоположение города) основная река Русского Севера называется Сухона, а ниже – уже Северная Двина.

Поморский этап Русского Севера продолжался с XVI по XIX в. В процессе активного хозяйственного освоения сформировалась новая этнокультурная группа – *поморы*, а сам регион стал полиэтничным. Строительство городов и монастырей привело к формированию новых центров: административным центром края становится Архангельск, а важнейшим духовным центром – Соловецкий монастырь.

Изменилась геополитическая ситуация региона, из дальней периферии он превратился в динамичную провинцию России, востребованную в развитии отношений с Западом и в освоении Сибири. Однако с основанием Санкт-Петербурга, созданием новых путей на восток, снятием опасностей с юга государство «уходит» из Поморья. К окончанию поморского цикла регион стал одной из самых значимых русских культурных провинций с отчетливо выраженными «чудскими» культурными реликтами.

Севернорусский этап начался в конце XIX в. и продолжается по настоящее время. Севернорусский этап особо привлекает внимание не только потому, что он последний и лучше обеспечен материалами научных исследований. Основная причина заключается в том, что при проведении исследований можно работать с современными контекстами, устной историей края, учитывать отношение к нему и жителей, и исследователей.

Второй существенный момент заключается в том, что в отличие от других этапов в его инициации и развитии важную роль сыграла «искусственная» – проектная – составляющая.

Комплексная культурно-ландшафтная характеристика региона (по материалам гуманитарных исследований XX в.). Русскому Северу посвящены сотни книг и статей. Научное внимание региону уделялось в основном со стороны исследователей-гуманитариев – историков, языковедов, топонимистов, искусствоведов, архитекторов, специалистов по народным промыслам, этнографов, фольклористов. Многоаспектные гуманитарные исследования региона привнесли богатейшее научное содержание, которое позволяет глубже понять его культурно-ландшафтные особенности.

На основе концепции культурного ландшафта и концепции комплексных географических характеристик была разработана система критериев для структурирования результатов гуманитарных исследований. В результате анализа удалось выявить наиболее типичные научно обоснованные комплексные географические характеристики региона.

1. Удаленность, окраинное положение. Эта ландшафтная характеристика относится к одной из важнейших (Е.Л. Березович, П.А. Колесников, А.В. Ополовников). Сама система традиционного расселения носит дисперсный

характер с малым числом городов и, как правило, значительной удаленностью деревень друг от друга и от столичных центров. В этом аспекте образ Русского Севера – это образ деревни, расположенной на краю жизненной ойкумены. Многие другие критерии прямо или косвенно связаны с окраинностью Севера: отсутствие крепостного права, слабая освоенность территории, важная роль природного и культурного факторов в организации хозяйства и быта. С удаленностью, очевидно, обусловлена хорошая сохранность материала (арте-, менти- и социофактов) для проведения широкого круга гуманитарных исследований.

2. Отсутствие крепостного права и помещичьих землевладений (М.М. Богословский, А.В. Ополовников, А.В. Ружников и др.).

3. Суровые природные условия. Большинство исследователей, занимающихся Русским Севером, отмечают эту характеристику как одну из важнейших, при этом немногие раскрывают ее содержание. Так, историк П.А. Колесников использует для этого географический показатель – состав природных зон (тайга, лесотундра, тундра), этнолингвист Е.Л. Березович фиксирует связность природы и хозяйственной жизни, а историк А.В. Ружников обращает внимание на важную роль рек.

4. Севернорусский жилищный комплекс, народное деревянное зодчество – среди селитебных и архитектурных особенностей наиболее частотно выделяемая характеристика севернорусского культурного ландшафта (А.В. Ополовников, А.В. Путилов, К.В. Чистов). Северный дом-корабль с конем на охлупне и с узорчатыми полотенцами на фронтоне, а также «построенный без единого гвоздя» шатровый храм – образы, задающие визуальный ряд Русского Севера.

В этнографическом отношении (по данным Л.Н. Чижиковой) севернорусский жилищный комплекс характеризуют большие размеры и высокий подклет домовой постройки, расположение жилья и хозяйственных помещений под одной крышей, двускатная тесовая крыша, положение самого дома по отношению к улице узкой торцевой стороной. В отличие от севернорусского среднерусский жилищный комплекс отличают меньший размер самих изб и подклета дома, тесовое и соломенное покрытие двускатной

крыши и отдельное расположение дворовых построек относительно жилой части. Как на Русском Севере для средней полосы России характерна торцовая ориентация дома относительно улицы.

5. Слабая освоенность территории и комплексный тип крестьянского хозяйства, органично сочетающего сельскохозяйственную и промышленную деятельность, – наиболее приметная особенность хозяйственной характеристики региона. Е.Л. Березович обращает внимание на цикличность в освоении территории, связанной с экологичностью севернорусского крестьянского хозяйства, его территориальной экстенсивностью, учитывающей неустойчивость северной природы.

6. Применительно к региону этнические характеристики исследователями используются нечасто. Вероятно, это связано с высокой значимостью Русского Севера в русской культуре и его очевидной «русскостью». Между тем, регион сохраняет в себе черты полиэтничности при ведущей роли севернорусской традиционной культуры.

7. Оканье и цоканье как отличительные языковые черты севернорусского диалекта зафиксированы в многочисленных трудах диалектологов и лингвистов. При этом финно-угорские следы активно сохраняются не только в разговорном языке, но и в топонимии (особенно в гидронимии) региона.

8. Среди характеристик духовной культуры Русского Севера – старообрядчество, еще в недавнем прошлом широко распространенное по всей территории, народное православие.

9. Для севернорусского культурного ландшафта характерна относительно хорошая (в сравнении с другими российскими регионами) сохранность культурных традиций.

Делимитация Русского Севера. Проблема границ региона решается по-разному. К примеру, известный историк Севера П.А. Колесников очерчивает их, используя ... стихи. Из стихотворения явствует, что восточная граница Русского Севера задается Уралом, а западная – Карелией. Другой подход – через разработку комплексных критериев севернорусской культуры – задействован крупными специалистами по русской народной культуре фольклористом Б.Н. Путиловым и этнографом К.В. Чистовым. В их представлении Русский

Север – это «территория, на которой распространен комплекс севернорусской бытовой культуры, по своей географической конфигурации весьма сходная с зоной севернорусских диалектов».

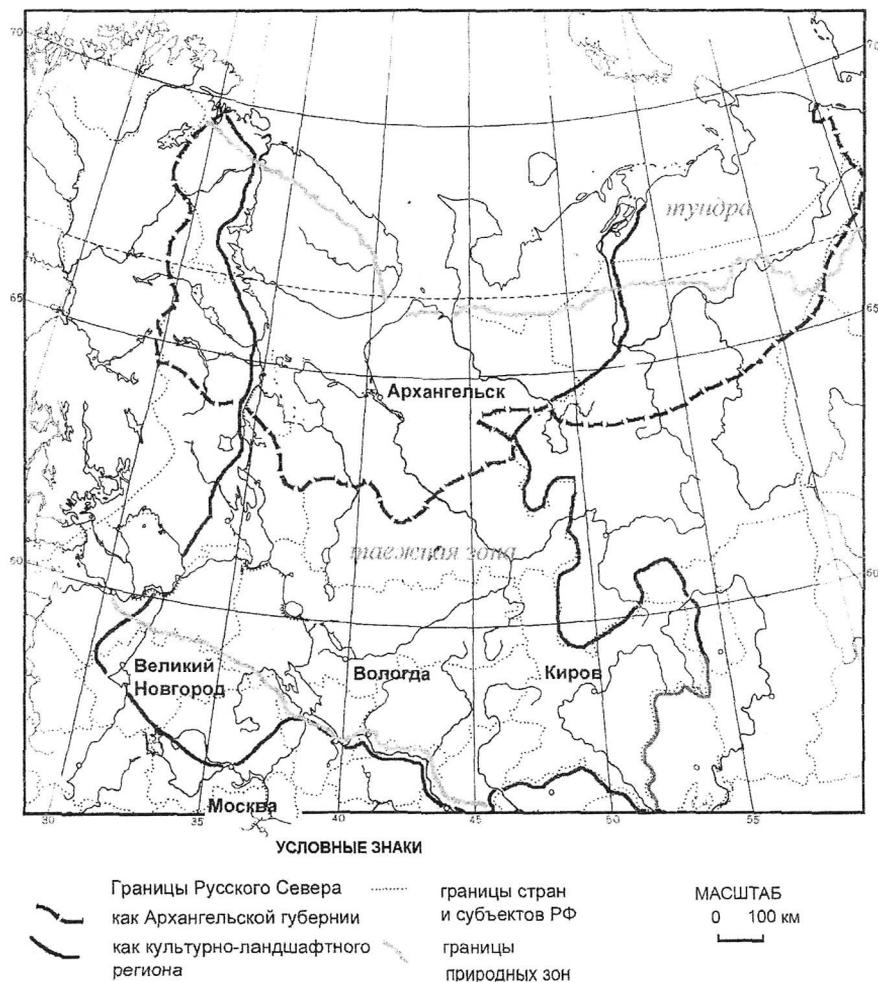


Рис. 3. Границы Русского Севера

При территориальной делимитации Русского Севера как культурно-ландшафтного региона были использованы такие критерии, как этнический (ареал расселения этноса), архитектурный (зона распространения севернорусского жилищного комплекса), языковой (ареал распространения

севернорусского наречия). Наиболее устойчивы западная и восточная границы Русского Севера (рис. 3). В этих случаях граница севернорусского жилищного комплекса совпадает с этнической границей – на западе с русско-карельской, на востоке с коми-русской границей. Не вызывает трудностей проведение северной границы региона, которая определяется конфигурацией побережий Белого и Баренцева морей. Наиболее проблемной, требующей дальнейших изысканий, представляется южная граница региона. Она определена по южным границам распространения севернорусского жилищного комплекса и севернорусского наречия. На местности она охватывает территории левобережного Заволжья от Нижнего Новгорода до Костромы и Ярославля и далее по линии Бежецк – Боровичи – Великий Новгород.

Русский Север как властно-общественный научно-геополитический проект. По характеру «запуска» проект под названием «Русский Север» носил властно-общественную направленность, по статусу – геополитический, а по последующей реализации – научный характер.

Первая фаза: введение топонима и его региональное общественное восприятие. Одним из первых, кто использовал топоним *Русский Север* был архангельский губернатор А.П. Энгельгардт. По результатам двухлетнего путешествия по вверенной губернии в 1896 году он издает хорошо иллюстрированную книгу «Русский Север. Путевые заметки». В тексте книги А.П. Энгельгардт использует нетопонимическую форму словосочетания – *русский Север* (русский с маленькой буквы), но уже в ее заголовке оно приобретает форму топонима.

Существенным моментом в продвижении нового топонима, в его регионализации среди властей и интеллигенции Архангельской губернии стало создание в 1909 году Архангельского общества изучения Русского Севера. Общество объединило в своих рядах сотни северян – представителей властей, священников, инженеров, учителей, а его филиалы были созданы во всех уездах огромной губернии. Примечательно, что первым председателем общества был избран вице-губернатор. Важным результатом его бурной, но недолгой деятельности нужно считать привлечение общественного интереса к вопросам развития края. Активная часть регионального сообщества не только восприняло

новое имя края как органичное, но и приняло живейшее участие в его региональном «продвижении».

Вторая фаза: «втягивание» топонима в сферу исторической науки и начало его научной регионализации. Среди первых исследователей, использовавших нетопонимическую (*русский Север*) форму, в фундаментальном двухтомнике «Земское самоуправление на Русском Севере в XVII веке», опубликованном в 1909 и 1912 гг., был известный историк и правовед М.М. Богословский.

Отвечая на вопрос об уникальности *русского Севера*, автор выделяет важнейшие критерии его культуры. Особо он отмечает сильное местное самоуправление, которое, с одной стороны, представляет собой реликт «новгородских вольностей», а, с другой, оно связано с отсутствием помещичьих (частных) землевладений и государственным статусом региона. Среди других критериев – слабая освоенность пространств, малое число городов, тесная связь северного города с северным уездом и другие.

В состав *русского Севера*, или *Поморья*, М.М. Богословский включает Архангельские и Вологодские земли, земли Кольского полуострова, Олонецкие (современная восточная Карелия), Вятские (северная часть Кировской области), Пермские, Печорские земли (северо-западная часть Коми). Отметим, что в соответствии со своими критериями проведения этнокультурных границ территории Вологодского и Грязовецкого уездов Вологодской губернии с развитым помещичьим землевладением «выносятся» автором из Русского Севера.

Комплексное и масштабное исследование М.М. Богословского стало ориентиром для всех последующих североведов. Среди первых ученых, которые стали использовать словосочетание в современной (топонимической) форме – *Русский Север* – историки А.А. Кизеветтер и С.Ф. Платонов. Заметим, что первоначально употребление словосочетания *Русский Север* не приносило какого-либо нового содержания. Историки скорее демонстрировали возможности русского языка и использовали его как синоним других географических названий – *север России*, *Северный край* и т.д. Тем самым на этой фазе основной научной областью употребления географического названия *Русский Север* стала история, занимающаяся северным регионом России.

В 1930-х годы в соответствии с определенным этапом истории России название исчезает из научного оборота и снова появляется только в 1950 – 1960-е годы.

Третья фаза: научное «паломничество» и наработка многоаспектного научного содержания. В послевоенное время Русский Север уже как регион стал объектом настоящего научного «паломничества» со стороны гуманитарных наук – истории, этнографии, фольклористики, диалектологии, искусствоведения (работы М.В. Витова, И.В. Власовой, П.А. Колесникова, Н.А. Макарова, В.Н. Булатова, О.В. Овсянникова, А.В. Ополовникова, К.В. Чистова, Б.Н. Путилова, С.М. Дмитриевой, А.К. Матвеева, Е.Л. Березович и многих других). На материалах этих исследований сформировались многие ученые с мировым именем, были созданы целые научные школы. Примером такой школы, деятельность которой можно назвать настоящим научным подвижничеством, является екатеринбургская топовимическая школа. Многоаспектные исследования региона привнесли богатейшее научное содержание, которое позволяет глубоко понять его культурно-ландшафтные особенности.

Четвертая фаза: кризис и выход на новый этап. Современный кризис Русского Севера начался не сегодня. Сравним две оценки культурной ситуации.

1. «Народное искусство кончилось. Струя новой жизни сметает его, и только кое-где в глуши тлеют его последние, гаснущие искры. Не надо плакать об этом. Так и должно быть. Это прошло детство, а оно не вечно» (Билибин, 1970, с. 31).

2. «...видимо во многих отношениях время уже непоправимо упущено – индустриализация, коллективизация, война и экспансия городской «полукультуры» неумолимо стирали богатый и красочный культурный ландшафт славянского традиционного быта, нравов, обычаев и местного языка» (Толстой, 1995, с. 20).

Обе оценки фиксируют кризисную ситуацию с традиционной культурой, но временной разрыв между ними составляет почти сто лет. Первая из оценок дана известным русским художником И.Я. Билибиным, она относится к 1904 году и связана с Русским Севером. Вторая принадлежит крупному этнолингвисту, основателю отечественной этнолингвистической научной школы

Н.И. Толстому и относится к русско-украинско-белорусскому Полесью, в плане значимости и сохранности культурному аналогу Русского Севера.

В геополитическом плане современная ситуация повторяет петровское время, когда государство «ушло» с Севера. Советское государство сохраняло экономически малоэффективные хозяйственные структуры, но они поддерживали архаичные культурные ландшафты. Современные процессы запустения, натурализации культурных ландшафтов приняли массовый характер. Быстро пустеют вековые деревни, разрушаются, казалось бы, вечные деревянные храмы и дома, беднеет традиционный фольклор... Действительно, регион находится в серьезном кризисе.

С другой стороны, Русский Север во многом благодаря научной деятельности приобрел мощный нематериальный – культурный, мифологический, образопорождающий ресурс, заложенный не только на территории региона, но и в огромном запасе накопленных и развивающихся знаний.

Необходимы разработка и обсуждение стратегии, программ развития региона. Среди геополитических макропроектов развития Русского Севера, разработанных норвежскими учеными (Б. Брюнстад и другие) рассматриваются три варианта – «Большая нефтяная площадка», «Заповедник Русского Медведя» и Европейская периферия.

Применительно к сфере культуры и культурного наследия усилиями российских ведущих специалистов разработана государственная программа «Культура Русского Севера» (Веденин, Гудима, Шульгин, 2004). Программа учитывает уникальность культуры и природной среды, самобытность культурных ландшафтов Русского Севера. Для авторов важным моментом является общенациональный статус программы.

Специальные культурно-ландшафтные исследования Русского Севера

При апробации разработанных теоретических положений работы наряду с ландшафтно-историческими изысканиями были выполнены другие специальные культурно-ландшафтные исследования Русского Севера: селенческие, топонимические, фольклористические, исследования системы святых мест в

севернорусском культурном ландшафте. Логическим завершением региональных исследований явились работы по таксономии и культурно-ландшафтному районированию Русского Севера.

Ландшафтная топонимия Русского Севера. Ландшафтная топонимия Русского Севера отличается ярко выраженной двуслойностью: русский слой подстилается мощным финно-угорским топонимическим субстратом. При этом характерна ландшафтно-топонимическая закономерность: финно-угорский слой соотносится с пойменными территориями и наиболее ярко представлен в гидронимии, а русский связан с нагорными местоположениями, доминируя в названиях полей и лугов.

Освоение Севера русскими сопровождалось ассимиляционными процессами, в ходе которых происходило заимствование от финно-угорского населения хозяйственно-промысловых навыков и элементов традиционной культуры, в том числе языковых. «Чудские» топонимы могли быть включены в русский язык в первоначальном или в трансформированном виде. Широко распространенные на Русском Севере семантические инверсии связаны с новым осмыслением топонима, обычно выстраиваясь на случайных фонетических созвучиях и порождаемых ими ассоциациях. Так, топоним Русковера интерпретируется местным сообществом как сложный, возникший из двух слов (русская вера) и уже на основе этой этимологии возникает сюжет топонимического предания о крещении в этом месте поляков в смутное время. При толковании же топонима с привлечением финно-угорских языков его значения меняются существенным образом – «крестовая гора» или «розовая гора».

Ландшафтно-топонимические исследования строятся на представлении о нормальной и проблемной ландшафтно-топонимических ситуациях. При нормальной ландшафтно-топонимической ситуации название географического объекта соответствует его современному ландшафтному местоположению, функции или статусу. Проблемная ситуация фиксирует несоответствие: топоним отражает новые реалии.

Для Русского Севера характерны три типа ландшафтно-топонимических соответствий:

- природно-ландшафтное: топоним соответствует местоположению в ландшафте;
- хозяйственно-ландшафтное: название объекта соответствует его современному хозяйственному использованию: например, луг *Поженка*, который и ныне является сенокосным угодьем;
- статусное: топоним соответствует административно-управленческому, сакральному и другому статусу места.

Природно-ландшафтное соответствие может быть «горизонтальным» (например, в нормальной ситуации деревня *Березник* должна быть расположена среди березовых лесов, а деревни *Носовка* или *Мысовая* на носу или в излучине реки) и «вертикальным», при котором «пойменный» топоним соответствует пойменному местоположению селения, а «нагорный» – нагорному.

На Русском Севере топонимия выступает в качестве индикатора особенностей ландшафта – природных, эстетических, хозяйственных, пространственно-ориентационных и статусных. Это обстоятельство связано с особенностью исторического развития огромного края, с отсутствием в его истории помещичьего землевладения, существенно повлиявшего на топонимию Центральной России.

Странствующие селения в севернорусском культурном ландшафте. Феномен странствующего селения открыт и описан благодаря применению ландшафтной концепции в результате выявления ландшафтно-топонимических и ландшафтно-ономастических несоответствий между местоположением селения и его названием или прозвищем его жителей. Пространственное перемещение русских городов и деревень – явление, известное в отечественной географии и истории. Применительно к северным селениям этот вопрос практически не исследован. Между тем его значимость трудно переоценить, поскольку он проливает свет на такие ключевые проблемы изучения Русского Севера, как формирование севернорусской этнической группы, ее специфической традиционной культуры во взаимосвязи с соседними этносами и окружающей природой.

Во временном плане пространственные миграции севернорусских селений наблюдались, вероятно, в течение всего периода славянского освоения региона,

хотя письменными источниками этот процесс подтверждается только с начала XVII века. Наиболее интенсивно процесс пространственной миграции северных селений происходил во второй половине XIX – начале XX вв. Один из последних случаев смены местоположения селения относится уже к советскому времени (1929 г., среднее течение Пинеги). В связи с экстремально высоким уровнем половодья, вызвавшим разрушения домов и хозяйственных построек, пойменная деревня Чухчинемь сменила местоположение и переехала «на гору» к Чухчинемскому погосту. При этом со временем происходит закономерное изменение названия селения с пойменного Чухчинемь (этимологизируется как «глухариный наволок» или «пойменный луг») на нагорное Едому (едома – «гора», «высокий берег»): спустя всего несколько десятилетий и Чухчинемская церковь стала именоваться Едомской.

Крупные деревни «переезжали», как правило, по частям (отдельными околками) в течение нескольких десятилетий (рис. 4). При этом часть хозяйственных построек длительное время оставалась на пойме. По нашему мнению, северные амбары («избушки на курьих ножках») и бани представляют собой пойменный культурный реликт.

Пространственные перемещения селения неизбежно влекли за собой соответствующие изменения в хозяйственном укладе. Среди основных хозяйственных сдвигов – стабилизация хозяйства, расширение площади сельскохозяйственных угодий, изменение системы водоснабжения и появление колодцев разного типа, строительство новых сухопутных дорог. Смена местоположения селения существенным образом изменяла мироощущение его жителей: по мере удаления селения от реки заметно снижалась ее роль и возростала роль леса в местной культурной традиции.

Благодаря применению концепции культурного ландшафта удалось выяснить, что наиболее древние северные селения характеризуются пойменным местоположением, финно-угорским происхождением и топонимией.

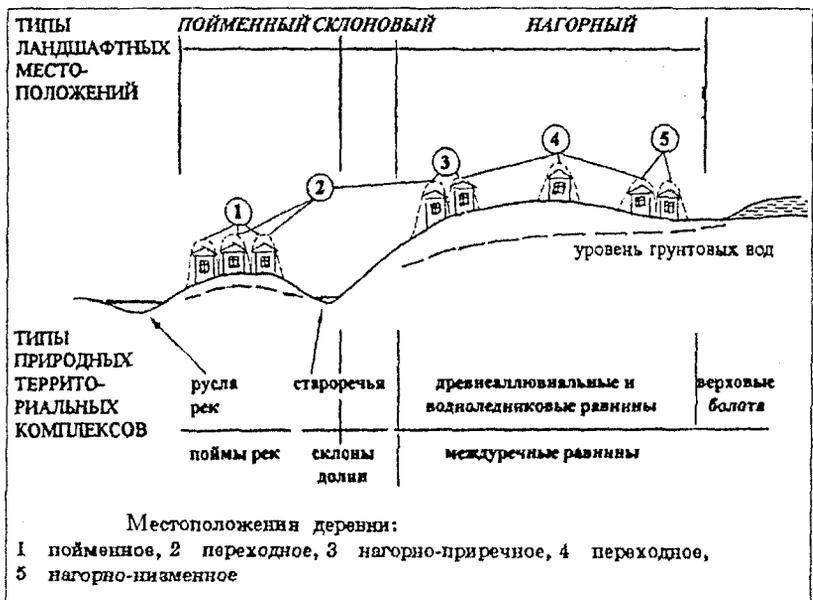


Рис. 4. Феномен странствующего селения: модель «многоножки»

Таким образом, пространственное перемещение селений и связанные с этим изменения хозяйственной и культурной традиций обладает определённой закономерностью, которая может быть сформулирована как **ландшафтная история северного селения**.

Географические песни – ландшафтный фольклор Русского Севера. Под географическими песнями понимаются фольклорные тексты с ярко выраженной реальной пространственной компонентой. Это выражается в том, что с формальной точки зрения они обязательно содержат топонимы, этнонимы, этниконимы или антропонимы.

Фрагмент текста одной из таких песен и ее картографическая репрезентация представлен ниже (рис. 5).

*Белоцельские (1) бурлаки,
 А модно, щегольно ходили,
 Высоко кушак носили,
 ...*

*Цулощека (2) – коневала,
 Были олемки (3) хороши,
 Были русомцы (4) богаты,*

Каращела (5) – тараканы,
 Были едомцы (6) удалы,
 Магазия табаку –
 Устьвяжсана (7),
 Низкоросла молодежь –
 Монастырцы (8),
 На шурупах, на винтах –
 Да нисогора (9),
 Со скрипами сапоги,
 Да стельки выехали –
 Да березьяне (10),
 Ремговаты кушаки – то смольяне (11),

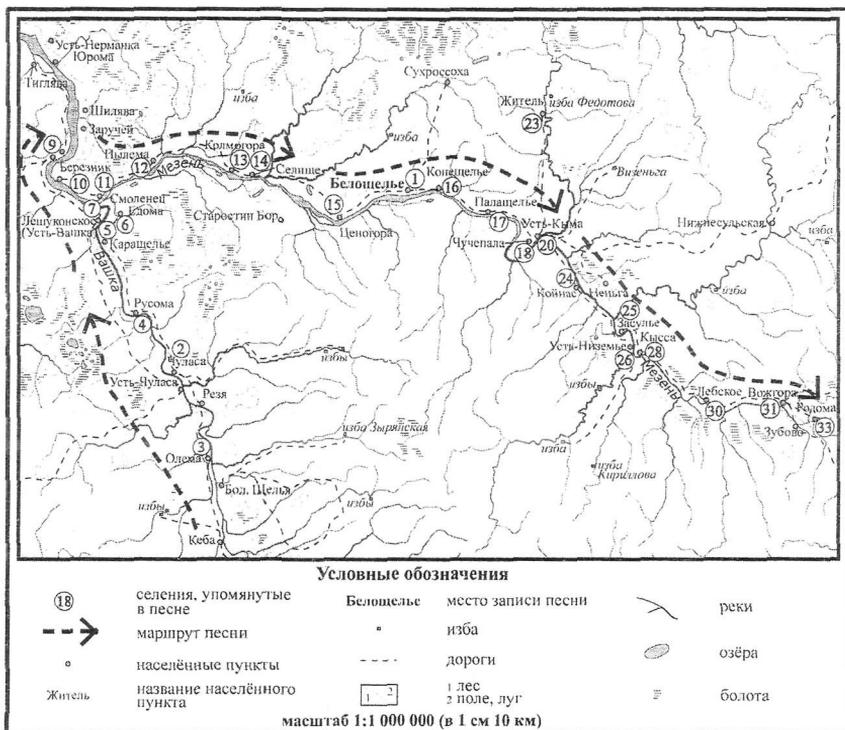


Рис.5. Карта Лещуконской географической песни «Шел Ванюша по гору»,
 охватывающей бассейны двух рек – Вашки и Мезени

Относясь к географически ориентированному фольклору, географические песни всегда связаны с определенной территорией (страной, краем, городом, деревней) и сообществами людей, в них проживающими. В географических

песнях сочетаются реальное физическое пространство и его образное восприятие местными сообществами.

В основу анализа географических песен положено представление о том, что этот тип песен является способом описания народной («внутренней») точки зрения на «свой» культурный ландшафт и его структурные компоненты – духовную культуру, этнос, язык, селение, хозяйство, природную среду. Это **песни-описания и песни-оценки культурных ландшафтов**. Последнее означает, что исследователь должен осознавать, что в лице географических песен он имеет дело с **субъективными интерпретациями культурных ландшафтов**. Без учета народной точки зрения становится невозможным правильное прочтение «ландшафтного текста».

В процессе исследования был разработан метод пространственной локализации социокультурной информации, позволяющий осуществлять картографирование географических песен.

Территориальная классификация географических песен строится на различении песен по размерам представленного в текстах ареала. Выделяются **страновые** (охватывают страну или ее значительную часть, крупный регион, например, Русский Север или Урал), **региональные** (характеризуют территорию природного или культурного региона), **субрегиональные** (соотносятся с частью бассейна реки или административного района) и **локальные** (совпадают с границами селения или его части) географические песни.

Становые и региональные песни занимают весьма скромное положение в базе данных нашего исследования. Одна из причин этого – незначительные пространственные подвижки населения в прошлом и, как следствие, слабое знание реальной географии страны. Исключение составляли профессиональные сообщества, занятия которых предполагали регулярные перемещения на значительные расстояния: бурлаки, плотогоны, ямщики и др.

Наиболее массовыми являются субрегиональные географические песни. Этому обстоятельству в немалой степени способствовала исторически устойчивая организация жизни традиционной севернорусской деревни. В территориальном плане семейно-родовые отношения обычно проявлялись в виде куста деревень, образованного родовым центром и разбросанными вокруг него

починками и выселками. Куст деревень, как правило, оформлялся административно в самостоятельную волость, и, что не менее важно для традиционного общества, выделялся в самостоятельный церковный приход. Тем самым система «куст – волость – приход» формировала на местном уровне относительно самодостаточный крестьянский мир. Эта система особенно хорошо была развита на Русском Севере, на территории Архангельской, Вологодской, Кировской областей, в Карелии.

Устойчивость внутриволостных социальных оценок и характеристик хорошо просматривается в тех случаях, когда удастся записать несколько вариантов географических песен для одного или соседних кустов деревень.

Будучи текстами-описаниями культурных ландшафтов, географические песни имеют особую ценность, так как содержат информацию об опыте духовного и хозяйственного освоения пространства и отражают картину мира местных сообществ. Полные варианты текстов географических песен, точно и последовательно опевающие «свои» культурные ландшафты позволяют не только картографировать разнообразную этнокультурную информацию, но и выявлять пространственную организацию и границы культурных ландшафтов.

Святые места в севернорусском культурном ландшафте. Святые места (монастыри, церкви, часовни, кресты, природные святыни) играют важную роль в традиционном культурном ландшафте Русского Севера. Во многих случаях именно святые места репрезентируют во внешнем мире «свой» культурный ландшафт. Так, Соловецкий монастырь «представляет» не только Соловецкий культурный ландшафт, но и весь Русский Север.

Одна из важнейших микрогеографических особенностей размещения святых мест в севернорусском культурном ландшафте, характерная не только для монастырей, но и для других святых мест, – периферийность их местоположения относительно селения (за пределами деревни – при дороге, на перекрестке, в лесу, у реки). Если для среднерусской деревни непременным атрибутом ее центра является церковь, то для севернорусской культурной традиции такое местоположение храма не является типичным (рис. 6).

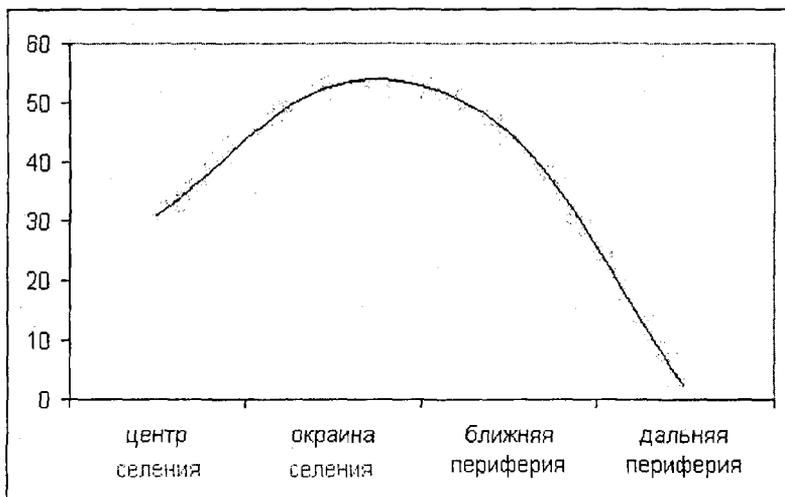


Рис. 6. Распределение часовен и крестов в пространстве культурного ландшафта Пинежского района (по оси ординат – количество объектов)

Вероятно, одной из причин возникновения такой ситуации является общая парадигма освоения огромных ненаселенных пространств, в рамках которой духовное освоение пространства является не менее значимым, чем его хозяйственное освоение. Другая же причина связана с амбивалентностью части святых мест, с их двойной семантической «окраской», являющейся результатом формирования святого места на «нечистой» территории.

Эти предположения подтвердились в результате массового полевого обследования пинежских святых мест (рис. 6, 7). Так, распределение часовен и крестов в пространстве культурного ландшафта Пинежского района убедительно демонстрирует характерный пространственный сдвиг от центра к границе и ближней периферии селения.

Обратим внимание еще на один культурный смысл, связанный с массовым размещением часовен и крестов на границе деревни, у деревенских ворот, которыми огораживалось каждое селение. Об этой традиции, к примеру, напоминает название *Крестовые ворота* в д. Печгора или *Крест у Карпучинских ворот* в д. Березник Пинежского района.

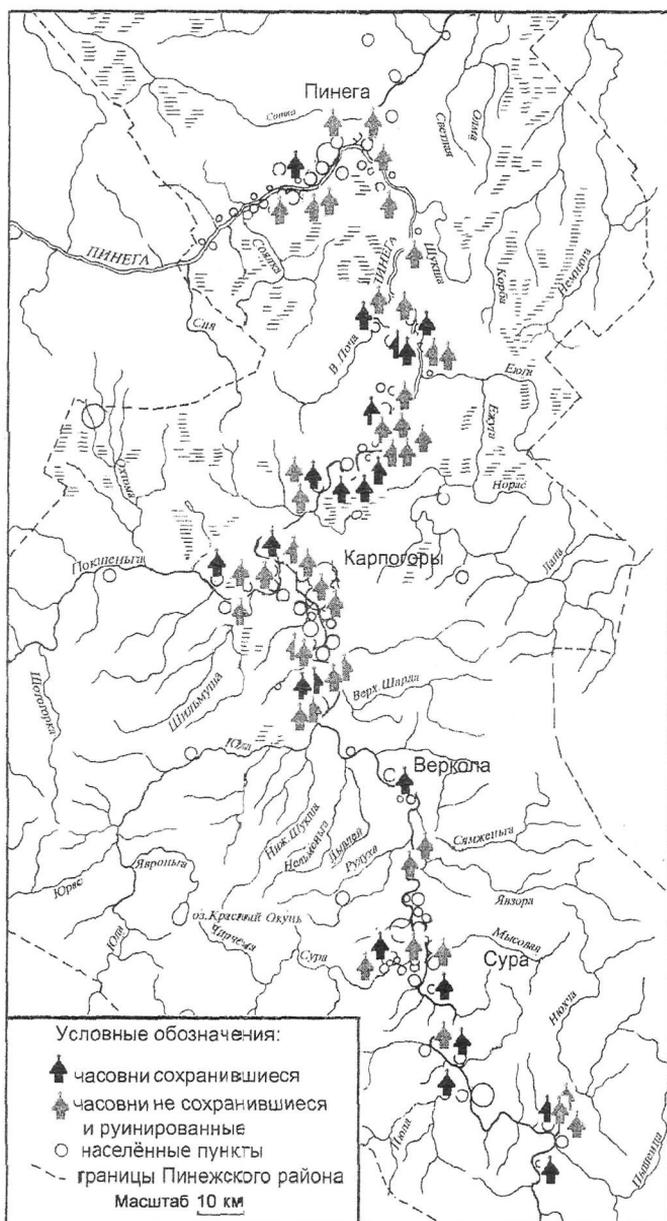


Рис. 7. Часовни в культурном ландшафте Пинежсъя

Любая культурная граница в севернорусской культурной традиции мыслится как опасное место (порог внутри дома, внешний порог дома, ворота усадьбы, деревенские ворота, перекресток дорог и т.д.). Тем самым инерция культурной традиции, направленной на нейтрализацию опасного места у деревенских ворот и на охрану деревни, проявляется и в наши дни.

Святые места представляют собой значимые центры культурного ландшафта Русского Севера и во многом формируют его пространственную организацию.

Таксономия и районирование культурных ландшафтов Русского Севера. Региональные таксономические разработки опираются на модульный принцип, который позволяет учитывать уникальность любого культурного региона. Человеческие сообщества, в процессе исторического развития осваивавшие регион, сформировали его иерархическую систему, неповторимую пространственную организацию – систему административных и духовных центров, «свою» культурную провинцию и периферию, особый характер границ. Последнее означает, что в процессе таксономических построений могут быть выделены дополнительные уровни и критерии, отражающие культурное своеобразие региона.

Культурно-ландшафтное районирование осуществлялось на основе идентификационного подхода. Его сущность заключается в выявлении и локализации территориальных идентичностей. С позиции культурной географии культурный ландшафт, не имеющий «своего» сообщества людей, представляет собой нонсенс.

При соотнесении реального сообщества – современного или исторического, этнического или территориального, регионального или локального – с определенным культурным ландшафтом определяются территориальные ядра соседних культурных ландшафтов, а затем уже прорабатывается вопрос границ между ними.

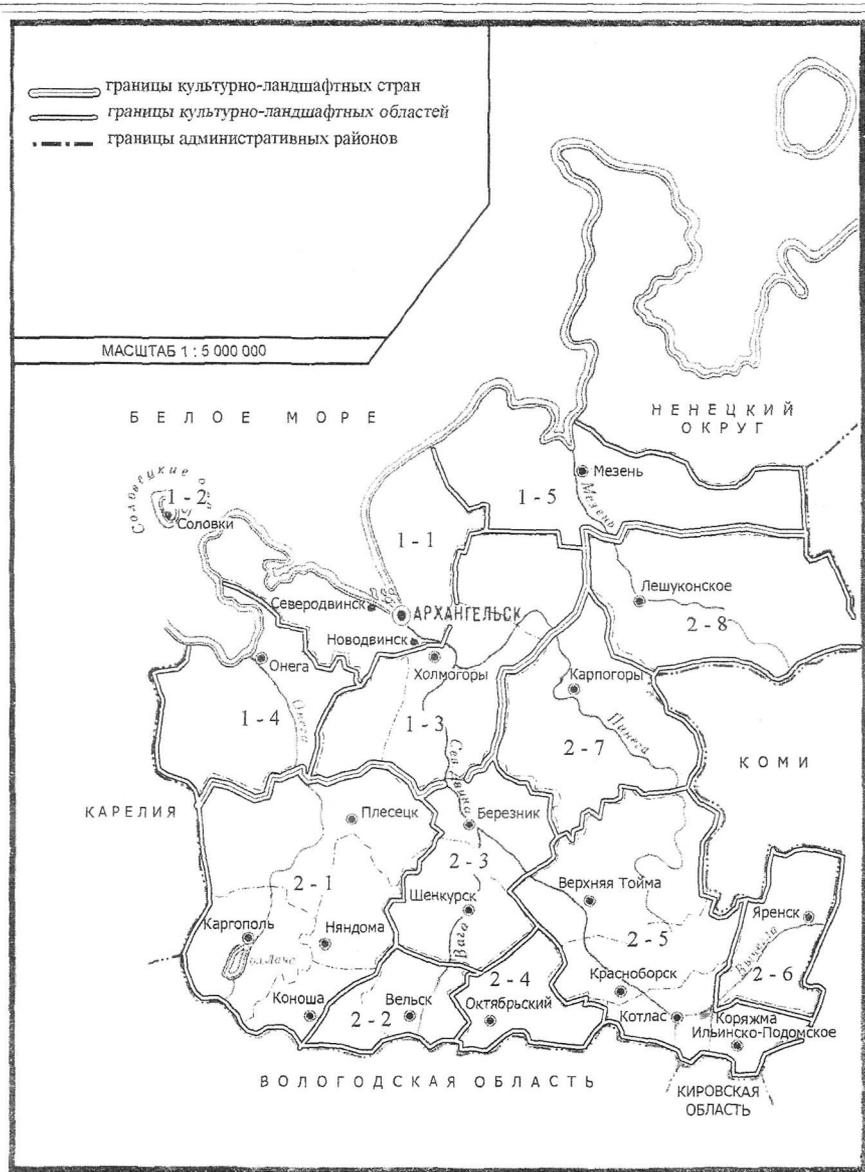


Рис. 8. Культурно-ландшафтное районирование Архангельской области

Модульный принцип предполагает использование системы «плавающих» признаков при культурно-географических таксономических разработках.

При таксономии выделяются общие критерии, характерные для всех таксономических уровней, и специальные. К общим критериям относятся наличие топонима, этникона или этнонима, наличие духовного, административного, хозяйственного центров, административного выдела, идентификация (самоидентификация) сообщества, устойчивый исторический и визуальный образ района.

Специальные критерии различаются для каждого таксономического уровня. При этом каждый таксон характеризуется комплексом критериев. Набор критериев зависит от уровня понимания и знания исследователем культурно-географической ситуации.

На примере Русского Севера таксономическая система выглядит следующим образом: субцивилизация – страна – область – подобласть – земля – край – местность. Некоторые из таксонов, например, край, соответствует характерному для Севера кусту деревьев. В других региональных ситуациях таксономическая система может быть иной; могут измениться и критерии выделения таксонов (особенно на нижних уровнях).

Районирование осуществлено в соответствие с разработанными критериями и с учетом материалов этнокультурных исследований региона.

На территории Русского Севера в пределах Архангельской области выделяются две страны – Поморская и Онежско-Двинская, различающиеся природными условиями, особенностями традиционного хозяйства и, как следствие, рядом черт традиционной духовной культуры и языка.

1. Поморская страна (Поморье в узком смысле). Преобладают поморские северотаежные культурные ландшафты. Традиционные занятия населения связаны с морскими промыслами, солеварением, сельским хозяйством. Наиболее мощные региональные культурные центры – Архангельск, Соловки. Региональный этникон *поморы* известен с XVI в. В пределах Поморья выделяется пять культурно-ландшафтных районов – Архангельский, Соловецкий, Холмогорский, Онежский и Мезенский (рис. 8).

2. Онежско-Двинская страна. Преобладают поречные и отчасти поозерные среднетаежные культурные ландшафты. Традиционные занятия населения связаны с лесными промыслами, охотой и собирательством при подчиненной роли сельского хозяйства. Наиболее мощные региональные историко-культурные центры – Каргополь, Вельск, Сольвычегодск; новые региональные административные центры советского времени – Плесецк, Няндом, Котлас – возникли на границах культурно-ландшафтных районов. В пределах Онежско-Двинской страны выделяется восемь культурно-ландшафтных районов – Каргопольский, Вельский, Шенкурский, Устьянский, Устюжско-Сольвычегодский, Яренский, Пинежский и Лешуконский.

Заключение

Перспективы дальнейшего развития ландшафтной концепции в культурной географии. Ландшафтная концепция, сложившаяся на стыке науки и искусства, на границе естественных и гуманитарных наук, представляет собой один из мощных механизмов гуманизации географии. Несмотря на длительный период ее использования в культурной географии, возможности ландшафтной концепции далеко не исчерпаны.

Дальнейшее развитие ландшафтной концепции в культурной географии предполагает продолжение разработки концепта ландшафта как важнейшего основания ландшафтной концепции.

К перспективным следует отнести разработку теории городского культурного ландшафта на материале изучения городов разного типа и разных трендов развития, а также тем «Глобальные культурные ландшафты» и «Культурные ландшафты мегаполисов».

Необходимо совершенствование комплексных методов исследования культурных ландшафтов и формирование информационных баз данных и на их основе развитие аналитических методов и методов картографирования культурных ландшафтов.

Актуально проведение полевых исследований традиционных культурных ландшафтов разных региональных и этнических традиций с

картографированием арте-, менти- и социофактов. В этой связи важна разработка повых методов полевых культурно-ландшафтных исследований, освоение методов полевой этнологии и фольклористики.

Для культурно-ландшафтных исследований перспективно дальнейшая разработка гуманитарно-информационных подходов, что предполагает развитие методов репрезентации культурного ландшафта, освоение методов визуальной антропологии, задействование образно-географических методов, создание новых стратегий интерпретации культурного ландшафта.

При этом необходима постоянная научно-методологическая рефлексия по поводу «узких мест», анализ возникающих теоретических и методологических проблем в связи с новыми возможностями ландшафтной концепции.

Основные выводы.

В основе ландшафтной концепции, развиваемой в культурной географии, лежит представление о концепте ландшафта. Семантический анализ концепта *Landschaft* демонстрирует 4 основных слоя значений – территориальные (ландшафт как территория), визуальные (ландшафт как вид), художественные (ландшафт как пейзаж) и земские (ландшафт как комплекс территории и живущего на ней человеческого сообщества). Многозначность ландшафта способствует формированию многоплановых исследовательских тем и направлений.

Одним из перспективных направлений реализации ландшафтной концепции в культурной географии является этнокультурное ландшафтоведение, которое включает четыре основных раздела – учение о культурном ландшафте, этноприродное ландшафтоведение, антрополандшафтоведение и лингволандшафтоведение.

Сообщество людей является основным системообразующим компонентом культурного ландшафта как природно-социокультурного территориального комплекса. Оно участвует не только в его формировании, но и является его исследователем и интерпретатором.

На основе комплексного анализа и обобщения опыта использования географических, исторических, этнографических, фольклористических и лингвистических материалов разработаны гуманитарно-географические методы

изучения и картографирования культурных ландшафтов, позволяющие раскрывать их содержание как природно-культурных территориальных комплексов.

Для традиционных культурных ландшафтов модельного региона Русского Севера характерны следующие формы репрезентаций: порядковая планировка деревни, особый севернорусский жилищный комплекс, адаптированный к таежным условиям, выраженность финно-угорского культурного слоя в топонимии и языке, мощный фольклорно-этнографический компонент, преобладание неофициальных сакральных объектов (крестов и часовен).

Основными свойствами пространственной организации традиционных культурных ландшафтов Русского Севера являются приуроченность селений к нагорным приречным местоположениям, наличие феномена «странствующих селений», реликтовая солярная ориентация домов, преимущественно нецентральное (окраинное) размещение сакральных объектов.

ОСНОВНЫЕ ОПУБЛИКОВАННЫЕ РАБОТЫ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Монографии

1. Ландшафт в культурной географии. – М.: Новый хронограф, 2008. – 320 с.
2. Культурный ландшафт Русского Севера: Пинежье, Поморье. – М.: Изд-во ФБМК, 1998. – 136 с. (в соавторстве с Ивановой А.А., Давыдовой Ю.А. и др..).
3. Географические песни в традиционном культурном ландшафте России. – М.: Изд-во ПФОП, 2006. – 212 с. (в соавторстве с Ивановой А.А.).
4. Жуковский: градозкология и развитие города. – М.: Изд-во ФБМК, 1997 (издание 2-е, испр.). – 96 с. (в соавторстве с Бочкаревой Т.В., Воропаевым А.И., Украинцевой Н.Г.).

Учебные пособия и справочники

1. Основы этнокультурного ландшафтоведения: Учебное пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та. 2000. – 96 с.
2. Светлое Пинежье. Путешествие по краю. М.: Изд-во «Эслан». 2000. – 152 с. (в соавторстве с Ивановой А.А.).

3. Светлое Пинежье. Путешествие по краю. 2-е издание (расширенное и дополненное). Архангельск – Карпогоры: ИПП «Правда Севера» 2008. – 168 с. (в соавторстве с Ивановой А.А.).

Статьи

1. Проблемы исследования культурного ландшафта // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. Геогр. 1995. № 5. С. 16–20.

2. Ландшафт как территория и ландшафт как место // География и природные ресурсы. 1995. № 4. С. 3–7.

3. Проблемы ландшафтной топонимики (по материалам Пинежья) // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. Геогр. 1996. № 1. С. 59–65.

4. Представления о культурном ландшафте: от профессионального до мировоззренческого // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. Геогр. 2000. № 4. С. 3–6 (в соавторстве с Красовской Т.М.).

5. Топос и культурный ландшафт // География и природные ресурсы. 2002. № 3. С. 10–15.

6. Русский Север: региональный культурный ландшафт и его вековые циклы // Известия РГО. 2005. Вып. 5. С. 43–57.

7. Этнокультурное ландшафтоведение // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. Геогр. 2006. № 2. С. 6–12.

8. Ландшафт в культурно-географических исследованиях // Известия РАН. Серия географическая. 2008. № 4. С. 11–19.

9. Ландшафты – памятники природы, истории и культуры // Памятники в контексте историко-культурной среды. М.: НИИ культуры, 1990. С. 69–86 (в соавторстве с Никишиным Н.А.).

10. Экологическая проблематика в региональных атласах культуры // Проблемы создания историко-культурного атласа «Европейский Север Российской Федерации». М.: НИИ культуры, 1991. С. 30–32.

11. Этнокультурное ландшафтоведение и концепция культурного ландшафта // Культурный ландшафт: вопросы теории и методологии исследования. Второй вып. тр. семинара «Культурный ландшафт». М. – Смоленск: Изд-во СГУ, 1998. С. 6–13.

12. Типы муниципальных образований в Российской Федерации // Политика. 1998–1999. № 4(10). С. 72–76 (в соавторстве с Бочкаревой Т.В.).
13. Становление местного самоуправления и вопросы развития культуры // Экология культуры. Информ. бюллетень. 1999. №5 (12). С.69–76 (в соавторстве с Бочкаревой Т.В., Самарцевым С.Е.).
14. Программа комплексного курса «Градоэкология (с основами градоведения)» // Волна экограда–XXI. Московский регион. Киров – М.: Кировская областная типография.1999. С.142–150 (в соавторстве с Бочкаревой Т.В.).
15. Развитие эколого-культурного туризма на местном уровне // Экология культуры. Информационный бюллетень. 2001. № 1 (21). С. 206–216.
16. К понятию «культурный ландшафт» // Экологические проблемы сохранения исторического и культурного наследия. Мат-лы VI Всерос. научн. конф. М.: НИИ наследия, 2002. С. 141–150.
17. Топологический подход к исследованию традиционного культурного ландшафта // Актуальные проблемы полевой фольклористики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002. С. 14–23.
18. Методика выявления и картографирования топосов традиционного культурного ландшафта // Актуальные проблемы полевой фольклористики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002. С. 95–100.
19. Схематизации культурного ландшафта // Культурный ландшафт: теоретические и региональные исследования. Третий юбилейный вып. тр. семинара «Культурный ландшафт». М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. С.10–19.
20. О природной основе культурного ландшафта // Эволюция и пространственная организация ландшафтов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. С. 79–92.
21. La microgeographie et la microtoponymie des lieux saints du Pinez'e // Cahiers slaves. 2004. № 7. P. 59–70.
22. Природные ландшафты в топонимии Кенозерского национального парка // Кенозерские чтения. Архангельск: ФГУ НП «Кенозерский»; Правда Севера, 2003. С. 130-140 (в соавторстве с Бондарем Ю.Н.).

23. Материалы к этнокультурному атласу «Святые места Пинежья» // Актуальные проблемы полевой фольклористики. М.: Изд-во Моск. ун-та. 2003. С. 198-241 (в соавторстве с Ивановой А.А., Фадеевой Л.В.).

24. «Географические песни»: пространственная морфология и организация (взгляд географа) // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера. Петрозаводск: ГИАиЭМЗ «Кижи», 2003. С. 298–302.

25. Об иерархичности культурного ландшафта (на материале Пинежья) // Этноэкологические исследования: сб. статей к 80-летию В.И. Козлова. М.: ИЭА РАН, 2004. С. 99–117.

26. Культурный ландшафт в «географических песнях» // Проблемы этнической географии и культурного районирования. Псков: Возрождение, 2004. С. 121–131.

27. Топологическая теория культурного ландшафта // Гуманитарная география. Вып. 1. М.: Институт Наследия, 2004. С. 138–153.

28. Топологическая организация традиционного культурного ландшафта // Культурный ландшафт как объект наследия. М.: Институт Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004, С. 116–132.

29. Ономастический фактор в динамике регионального культурного ландшафта (на примере Русского Севера) // Ономастика в кругу гуманитарных наук. Мат-лы межд науч конф. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. С. 271–273.

30. Основные методологические принципы этнокультурного ландшафтоведения // Труды XII съезда РГО. Т. 3. Региональные проблемы России. СПб: РГО. 2005, С. 109-114.

31. «Кучкас – не деревня, кучкасяне – не народ» // Живая старина. 2005. № 4 (48). С. 7–11 (в соавторстве с Ивановой А.А.).

32. Этнокультурный ландшафт // Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 2. М.: Ин-т Наследия, 2005. С. 378–379.

33. Лальск: культурно-географические сюжеты // География. 2006. № 18 (817). С. 3-9.

34. Cultural Landscape in the Russian geographical tradition // Landscape analysis for sustainable development: Theory and Application. of Landscape Science in Russia. Moscow: Alex Publishers, 2007. P. 239-246.

35. Идентификационное картирование культурных ландшафтов // Историческая география: теория, методы и инновации: мат-лы III междунар. науч. конф. СПб.: ЛГУ им. Пушкина, 2007. С. 394-398.

36. Культурно-ландшафтное районирование Русского Севера: постановка проблемы // Рябининские чтения – 2007. М-лы конф. Петрозаводск, 2007. С. 54-56.

37. К ландшафтной концепции культурно-ориентированного туризма // Туризм и рекреация на пути устойчивого развития: отечественные и зарубежные исследования. М.: Советский спорт, 2008. С. 57-66.

38. Топонимия северорусского культурного ландшафта (на примере Пинежья и Кенозерья) // Этническая экология: народы и их культуры. М.: Старый сад, 2008. С. 316-328.

39. Святые места в культурном ландшафте Пинежья // Поморские чтения по семиотике культуры: Вып. 3: Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты Европейского Севера: сб. научных статей – Архангельск: Поморский университет, 2008. С. 180-196.

40. Селения в севернорусском культурном ландшафте (пространственный аспект) // Расы и народы (Вып. 34. «Проблемы этнической экологии»). М.: Наука, 2008. С. 219-234.

СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Введение

Часть 1. История, теория и методология исследований культурного ландшафта

Глава 1. Ландшафтная концепция: истоки и направления развития в культурно-географических исследованиях

- 1.1. Деятельностные и культурно-языковые основания ландшафтной концепции
- 1.2. Развитие представлений о культурном ландшафте в зарубежной географии
- 1.3. Исследования культурного ландшафта в русской географической традиции
- 1.4. Теоретико-методологические вопросы развития ландшафтной концепции в культурной географии

Глава 2. Методологические и методические аспекты исследований культурного ландшафта

- 2.1. Методологические аспекты исследований культурного ландшафта
- 2.2. Методические аспекты исследований культурного ландшафта

Глава 3. Культурный ландшафт как социоприродная система

- 3.1. Основные пространственные свойства культурного ландшафта
- 3.2. Человеческое сообщество и пространственная организация культурного ландшафта

Глава 4. Культурный ландшафт как гуманитарно-информационная система

- 4.1. Репрезентация культурного ландшафта
- 4.2. Интерпретация культурного ландшафта

Глава 5. Таксономия и районирование культурных ландшафтов

- 5.1. Подходы в культурно-ландшафтном районировании
- 5.2. Глобальные и региональные исследования культурных ландшафтов

Глава 6. Этнокультурное ландшафтоведение – направление реализации ландшафтной концепции в культурной географии

- 6.1. Теоретические основы этнокультурного ландшафтоведения

- 6.2. Характеристика основных исследовательских направлений этнокультурного ландшафтоведения

Часть 2. Модельные культурно-ландшафтные исследования Русского Севера

Глава 7. Русский Север: делимитация, комплексная характеристика, пространственное развитие

- 7.1. Русский Север как региональный культурный ландшафт
7.2. Вековые циклы и пространственное развитие Русского Севера

Глава 8. Селения в севернорусском культурном ландшафте

- 8.1. Севернорусская деревня: пространственная организация, планировка, ориентация, связь с природными ландшафтами
8.2. Феномен странствующего селения на Русском Севере

Глава 9. Топонимия севернорусского культурного ландшафта

- 9.1. Теоретические вопросы топонимии культурного ландшафта
9.2. Ландшафтная топонимия Пинежья
9.3. Ландшафтная топонимия Кенозерья

Глава 10. Географические песни – ландшафтный фольклор Русского Севера

- 10.1. Географические песни: теоретические и методологические вопросы
10.2. Географические песни в территориальном разрезе

Глава 11. Святые места в севернорусском культурном ландшафте

- 11.1. Теоретическое обоснование сакрально-ландшафтной проблематики
11.2. Сакрально-ландшафтная проблематика: региональный аспект

Глава 12. Таксономия и районирование культурных ландшафтов Русского Севера

- 12.1. Таксономия культурных ландшафтов Русского Севера
12.2. Культурно-ландшафтное районирование Архангельской области

Заключение

Литература

Формат 60×90/16. Объем 3 пл.

Тираж 150 экз. Зак.1026

Отпечатано в полиграфическом отделе
географического фак-та МГУ им. М.В. Ломоносова